

и следствий»³. И он как бы всё время ищет ответ на вопрос: что держит нашего человека, что помогает ему выстоять в самых тяжёлых условиях, что бросает его в самое пекло, в разгул смертельной круговерти боя, что заставляет его брать на себя ответственность за судьбу своей Родины. Поиск этого, самого сокровенного, самой сути человека и бойца, того, «что там есть, в самой глубине души»⁴, составляет предмет писательского поиска и в произведениях о плене.

Писатель, по-видимому, не смог (или не пожелал?) подобрать слово, чтобы назвать этот феномен духа. Он, кажется, понимал его невыразимость и – более того – непознаваемость. И в повести «Это мы, Господи!» этот феномен автор называет местоимением «то». «Это самое «то» можно вырвать, но только цепкими когтями смерти. Иным путём нельзя отделить «то» от этого долговязого скелета, обтянутого сухой жёлтой кожей. Только «то» и помогает переставлять ноги по лагерной грязи, только оно и в состоянии превозмогать чувство злобы, желание вспыхнуть на минуту и испепелить в своём пламени расплывчатое пятно, маячащее перед помутившимися глазами, завёрнутое в зелёное чужое... Оно заставляет тело терпеть до израсходования последней кровинки, оно требует беречь его, не замарав и не испаскудив ничем! «Терпи и береги меня! – приказывает оно. – Мы ещё дадим себя почувствовать!..»⁵.

Что же это «то», так напоминающее об экзистенциализме, поскольку именовать это «то» хочется как existence – существование, суть, сущность, которую уже не отнять от человека? Свой художественный поиск ответа Воробьёв ведёт, опираясь на личный опыт и на личные наблюдения, полученные на фронте, в фашистских концлагерях, в партизанском отряде.

Писатель много говорит о жажде свободы, причём, не просто свободы, а свободы как возможности взять оружие и стать в строй товарищей, и выбрасываются наши ребята на ходу из поезда, зная, что смерть при этом наиболее вероятна.

Может быть, это гордость советского человека, вполне успешно привитая молодому поколению, – гордость за свою страну победившего социализма, подлинно народное государство, на защиту которого поднялись и молодёжь, и весь народ. Вот они, молодые советские офицеры (выросшие из тех детей, которые бегали из деревни в деревню за киномехаником, чтобы ещё раз посмотреть «Чапаева» – вдруг он на этот раз выплывет... («Почём в Ракитном радости»)) – в порыве не допустить поругания советской святыни выходят из строя, и каждый заявляет эсэсовцам, что найденный орден Ленина принадлежит именно ему («Седой тополь»). Воробьёв внимательно наблюдает прочность, живучесть новой идеологии, видит, что не на одном страхе она держится, она становится верой многих советских людей. «Ведь мы-то верили в правду, в Ленина, в добро, в день. И чтобы вынести побои, оскорбления и унижения, обязательно нужна была такая вера. Иначе нельзя было выжить и одного дня», – говорит Кузьма Останков, герой Константина Воробьёва. Но у Останкова эта вера была отнята ещё до войны; что же касается Воробьёва, то у него,

³ Воробьёв, К. Записные книжки //Собрание соч.: в 5 т. / Сост. В. Г. Григорьевич. – Курск, 2008, – Т. 5. – С. 343.

⁴ Воробьёв, К. Это мы, Господи! гл. 6. – Любое издание.

⁵ Там же